

Многим кажется, что герои научно-фантастического романа братьев Стругацких «Улитка на склоне» Перец и Кандид никак между собой не связаны. На самом деле связь существует, и связующим звеном здесь является «лес».

Причём Перец, житель Города, внештатный сотрудник Управления по делам леса, движимый «тоской по пониманию леса», стремится попасть в «лес» — экстраординарную естественную среду со сказочной чудесной составляющей в виде прыгающих деревьев и русалок... Есть ещё нечто чрезвычайно важное, что сближает Переца и Кандида и окружающих их людей... Об этом — чуть позже.

Деревня

Кандид живёт в деревне, среди «леса», в экстремальных условиях, и мечтает о том, чтобы вернуться в Город для обретения бывшей идентичности, которую он потерял, потерпев в «лесу» аварию на вертолёте. Жители деревни, где живёт Кандид, ведут постоянную вялотекущую борьбу с «лесом», так как дома́ снаружи, тропинки, по которым ходят жители, почти мгновенно зарастают.

Вместе с тем есть положительный момент в жизни жителей деревни: пищи, питания — вдоволь. Здесь растёт даже одежда... Не ленись сажать и поливай посаженное «бродилком»... В некоторых местах «леса» горячие болота пригодны для питания. Или — даже сама земля со вкусом сыра, которую ели Кандид и Нава после стычки с «ворами».

«Лес» давит Кандида избыточной жизненной активностью, непредсказуемостью, опасностями, исходящими от «мертвяков», «воров», мифических «уродов», прыгающих деревьев, животных типа рукоеда, волосатика, гиппоцета... Давит настолько мощно и постоянно, что Кандид разучился логически мыслить, как бывший житель Города, и с трудом пытается восстановить утраченный навык...

...Микроорганизмы рода Кандида входят в состав нормальной грибковой микрофлоры рта и органов выделения человека... Де-факто Кандид, как и прочие жители — Колченог, Кулак, Слухач, Нава, — ведёт самое примитивное жизненное существование. Кроме выживания и создания парных семейных союзов (собрание, организованное

старостой по поводу женитьбы Болтуна), никаких сознательных целей в отношении «леса» и самих себя у них нет. Они — бессознательны. И кругозор их ограничен Глиняной поляной, Выселками, соседней «чудаковой деревней»... Но жители деревни — свободны и вполне вольны делать что угодно. Например, пойти в путешествие в Город, куда собирались идти Кандид, Колченог и Кулак...

Тем не менее деревенские — вполне самостоятельны, и у них начала формироваться культура обращения с «лесом». Так, они научились управлять даже путями, по которым двигались потоки насекомых: «Староста, бранясь, отгонял колонну плохо обученных муравьёв, потащивших было личинки рабочих мух прямо через площадь». Площадь деревни была покрыта голой землёй, на которую деревенские жители бросали семена, «выращивали подстилки» для мягкого сидения. С помощью «бродила» большая часть растений «леса» делалась съедобной почти мгновенно...

Кандид

А если обратиться к более буквальному толкованию имени Кандид? Тогда Кандид — кандидат... в личности. В самом начале Кандид представляет из себя довольно слабого в умственном и личном отношении человека, которого любой может сбить с панталыку: «...это очень важно — не дать заговорить с собой, занудить голову, особенно вот эти места под глазами, до звона в ушах, до тошноты, а ведь Нава уже говорит...»

Однако лишь экстремальные путешествия меняют судьбы, обнаруживают личность и заставляют её действовать. Экстремальные путешествия бывают двух видов: внутренние (интрапсихические) — к примеру, путешествие в коллективное бессознательное человечества Христа во время сорокадневного поста в пустыне и его разбирательство (интеграция) общемирового зла, — и внешние — въезд того же Христа на осле в Иерусалим (Вербное воскресенье)...

В самых значимых романах Стругацких — «Граде обречённом», «Улитке на склоне» — братья смешивают объективную реальность с интрапсихической (коллективным бессознательным) и создают суперреальность: «лес», «север».

В «Граде обречённом» экспедиция на «север» — путешествие в коллективное бессознательное Андрея Воронина — не удалась. Обычный, нормальный человек, он не жаждал понимания, несмотря на все старания Изи и Наставника, не смог интегрировать в своё сознание образы-символы: говорящих статуй (потерял сознание), Красного Здания (убежал). За что поплатился убийством личности и понижением уровня сознания до детского. «Много званых, но мало призванных». Этот тезис Христа касается финальной ситуации Андрея Воронина.

А вот Кандид стал «призванным»... быть личностью. При попытке его захвата для последующего обезличивания в лапы коллективных механизмов в лице одной из «подруг», гостью из будущего, Кандид убивает «мертвяка», возвращается в деревню и там формирует собственное, выражено этическое, чувственно-моральное отношение к объективно данному будущему, уготованному жителям деревни: «...они — реликты, осуждённые на гибель объективными законами, и помогать им — значит, идти против прогресса... Какое мне дело до их прогресса, это не мой прогресс... Здесь не голова выбирает. Здесь выбирает сердце. Закономерности не бывают плохими или хорошими, они вне морали. Но я-то не вне морали». И: «Плевать мне на то, что Колченог — это камешек в жерновах ихнего прогресса. Я сделаю всё, чтобы эти жернова остановились».

Итак, сознательное сопротивление и сознательное отношение к объективно данному. Не слияние с объективно данным, не становление частью его процессов (Николай Второй, М. С. Горбачёв), а — максимальная субъектность (А. Суворов, К. Г. Юнг, В. Высоцкий), воля моральной, врождённой или ставшей, личности к цельному свободному существованию в сочетании со «всемирной отзывчивостью»...

Значит, Кандид есть личность, ставшая таковой в результате благополучного исхода приключений с «ворами» и «подругами» — удавшейся попытки путешествия в Город. А почему, собственно, «удавшейся»? Ведь Наву он потерял и в Город не попал! А потому, что Нава осталась жива и сам Кандид приобрёл знание и понимание будущего, которое ожидало жителей деревни. Это знание зажгло его сердце и всколыхнуло душу. И поэтому, когда невдалеке от деревни появился спецназ «подруг» по гендерной селекции — «мертвяки», то «Кандид встал, вытащил из-за пазухи скальпель и зашагал к окраине».

СССР

...На собрании жителей деревни состоялась «передача» отрывков из обрывков живого приёмника «старца»: «Старец долго распространялся о том, что такое „нельзя“... призывал к поголовному

Одержанию... грозился победами на Севере и на Юге...» В дальнейшем там же, на собрании, всплыли темы «Большого Разрыхления Почвы» и «Необходимого Заблочивания».

В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов прошлого столетия, когда творился этот роман, СССР активно осваивал арктический Север и занимался орошением пустынь в Средней Азии. «Большое Разрыхление Почвы» суть масштабное освоение целинных земель Казахстана Урала, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока 1956–1961 годов. Были освоены десятки миллионов гектаров целинной земли.

«Поголовное Одержанье» есть тоталитарная одержимость «красной», коммунистической идеей периода СССР, особенно во времена хрущёвской оттепели, когда СССР первым вышел в космос... Казалось, вот-вот наступит «светлое будущее». Но оно не наступило. Хрущёва убрали, и пришли «кремлёвские старцы»: еле ворочающий языком поздний Л. Брежнев, больной В. Антропов, дряхлый К. Черненко. Всё закончилось М. Горбачёвым с «подругой» Раисой Максимовной. И от СССР после 1991 года остался «лиловый туман»... Собрание жителей деревни и речь «старца» суть завуалированная футуристическая пародия на выступления генсеков-«старцев» на съездах КПСС...

Откуда братья Стругацкие могли знать, как закончится существование СССР? Они и не знали, ибо нет такой рациональной науки, просчитывающей будущее «от и до». Всего-навсего они обладали мощнейшей художественной интуицией и имели свободный творческий доступ к коллективной психике (коллективному бессознательному) нашего народа... да и человечества... Коллективная психика есть нечто морально, объективно данное, но изменчивое, и выражается в коллективных нормах и стандартах, которые, так же как и люди, имеют свой период существования...

Конечно, те морали и веры, которым тысячелетия и которыми пользовались предки, — наиболее верны и истинны для людей. Но и они стареют, умирают...

В нашем случае мы имеем дело с коллективной коммунистической ментальностью СССР шестидесятых годов, и ещё ничего не предвещало развала Союза... Предвещали произведения Стругацких: «Обитаемый остров» (взрыв Максимом башни пбз и уничтожение существующих коллективных стандартов, «лучевого питания»), «Град обречённый» (призрак «Красного Здания»)...

Лукавая, треугольная деревня, затопленная водой. В природе почти ничего нет треугольного, значит, треугольник — символ искусственности. В СССР тридцатых и пятидесятых годов двадцатого века интенсивно шёл процесс создания искусственных водохранилищ для строительства ГЭС на Волге, Доне и других реках. В итоге было затоплено

целиком (город Молога) или частично (Весьегонск, Корчев, Пучеж, Калязин) девять городов, тысячи сёл, полторы сотни церквей... Большинство затопленных объектов имело историческую ценность и относилось даже к древнерусским (город Корчев). Видимо, эти события оставили неизгладимые следы в душах братьев Стругацких, бывших живыми свидетелями этих процессов.

А если идти дальше и мыслить женщин, забравших у Кандида Наву, «жутких баб-амазонок, жриц партеногенеза», как игру слов, и в качестве жрецов партии КПСС — членов Политбюро ЦК, способных производить из «лилового тумана», коммунистической идеологии, «мертвяков», «живые машины» — суть бездушных, исполнительных фанатиков коммунистической, «лиловой» идеи?!

«Жуткие бабы»

Впрочем, заикливаться на этом не будем и взглядом на «жутких баб-амазонок» с другого ракурса — не прошлого, но настоящего и будущего. А не есть ли это дальнейшая разведка Стругацкими того факта-предвидения Ф. Ницше, что «женщина в роли приказчика стоит у врат новообразующего общества»? А ведь «стоят» Меркель в Германии, Мэй в Великобритании. Дилма Русеф в Бразилии до недавнего времени «стояла». Не все «приказчики» подобны Индире Ганди... На всех парах недавно в США рвалась к власти Хиллари Клинтон. Один из архитекторов-исполнителей «арабской весны», она радостно повизгивала, когда толпа террористов-«мертвяков» терзала в Ливии М. Каддафи, первого и последнего лидера Социалистической Джамахирии... Здесь сравнение вполне уместно, если вспомнить, с каким хладнокровием одна из «подруг», «женщин-амазонок», уничтожила несчастного рукоеда, повергнув в шок Кандида...

«Лес»

Если для Кандида «лес» выступает лишь в качестве среды обитания, то для Переца это — живая сверхчеловеческая структура коллективного бессознательного, хранителя жизненного, морального опыта человечества. Обращение к «лесу» Переца, когда посреди ночи комендант выставил его на улицу, весьма напоминает обращение верующего к Богу: «Проснись, — попросил Перец. — Погляди на меня хотя бы сейчас, когда мы одни, не беспокойся, они все спят. Неужели тебе из нас никто не нужен? Или ты, может быть, не понимаешь, что это такое — нужен? Это когда нельзя обойтись без (Бога)?».

В этом отношении «лес» Стругацких вполне ассоциативен лесу из «Лесного царя» И. В. Гёте или «Лукоморью» А. С. Пушкина: «Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит...» А также — *man's nou land* К. Г. Юнга, стране, где нет людей, — коллективному бессознательному, наполненному призрачными мифологическими

образными объектами, обладающими демонической силой... Как-то: исчезновение мальчика в «Лесном царе» или ослепление и гибель доктора Фауста в «Докторе Фаусте», заключившего договор с бездной коллективного бессознательного в лице Мефистофеля...

У Стругацких в «Улитке на склоне» в раздумьях Переца — прозаическая поэтика, романтика неизвестного: «Зелёные горячие болота, нервные пуливые деревья, русалки, отдыхающие на воде под луной от своей таинственной деятельности, осторожные непонятные аборигены». И далее — двойственный аспект коллективного бессознательного, его сверхчеловеческая структура: «Изобилие жизни. И всё чужое. Чем-то знакомое, кое в чём похожее, но по-настоящему чужое... наверное, труднее всего примириться с тем, что оно чужое и знакомое одновременно... оно (коллективное бессознательное?) — производное от нашего мира, плоть от плоти нашей, но порвавшее с нами и не желающее нас знать».

Да, коллективное бессознательное, являющееся лишь во снах, в поэзии, сказках и мифах, есть сила, превосходящая человека и недоступная рациональному пониманию. Лишь одному человеку, К. Г. Юнгу, удалось выразить эту силу научными теориями архетипов, Анимы (мужской души), Анимуса (женской души), Тени и т. д.

Основная функция коллективного бессознательного, этой кладези бытийного многотысячелетнего опыта приспособления людей к так называемой объективной реальности, есть психическое питание людей через обоюдную, обратную связь, существующую, кроме поэзии, в мифах, эпосе, народных сказках... И в некоторых прозаических произведениях выдающихся и великих мастеров...

Психическое питание служит целям выживания человека вообще. Так как жизнь человеческая коротка и без опыта предков, заключённого в коллективном бессознательном народа или всего человечества, мгновенно приспособиться к объективной реальности совершенно нереально. Вот почему в «лесу» Стругацких (коллективном бессознательном человечества), по монологу шофёра Тузика в первой главе, можно есть всё: «Что меня в лесу удивляет — так это болота... Как щи горячие. Пар идёт, и пахнет щами, я даже хлебать пробовал, только невкусно, соли там не хватает, что ли...»

«Лес» виден только с обрыва». Не одиножды писали об этом в романе братья Стругацкие. Что это означает для нас с вами, живущих в текущей реальности объективного мира? Это означает, что как только перестает работать, обрывается наше сознание — его тут же замещает наше коллективное бессознательное (подсознание): во сне, во время приступов лунатизма, в состоянии комы приходят символические образы. Даже в случаях алкогольной интоксикации человек

в беспамятстве, с оборванным сознанием, домой всё-таки приходит. . .

«Лес», коллективное бессознательное К. Г. Юнга — не только хранилище и кладёзь общечеловеческого опыта приспособления и выживания, но и источник будущего, «клоака» смещения архетипов и потоков либидо народов, мужской (патриархальной) и женской (матриархальной) матриц — психологическая «хиазма», точка обмена жизненными энергиями.

И в этой невидимой простому смертному «хиазме» встречаются прошлое и будущее, формируя наше настоящее. Структура Управления, существующая там бюрократическая система, а также качественный, моральный состав сотрудников суть наше советское прошлое с группами Искоренения (КГБ), Проникновения, Помощи местному населению (идеологическая пропаганда), Вооружённой охраны (армия), Научной охраны (научная система СССР под кураторством КГБ), первых советских диссидентов (сотрудница биостанции Рита, которая «никогда не работала»). И наконец, первая директива на посту директора Управления Переца о «самоискоренении группы Искоренения» было реализовано первым и последним «директором» (президентом) СССР М. Горбачёвым указом о роспуске КГБ СССР в 1991 году.

Ничего фантастического, необычного, кроме рассказней Тузика о русалках и прыгающих деревьях, в первых главах «Переца» нет. Постоянное, системное питание «кефира» («Кефир пили все») сотрудниками Управления и биостанции, появление архаичного броневика, где оттягивался шофёр Вольдемар во время поиска сбежавшей «машинки», есть констатация Стругацкими факта архаичности советской Системы, существующей в первобытной парадигме: один вождь, одна страна, одна вера (коммунистическая).

Гендерная революция

И вот бывший сотрудник Управления Кандид возле «хиазмического» холма с «лиловым туманом», в месте, где происходит обмен энергиями потоков либидо (энергии) прошлого и далёкого грядущего для формирования настоящего, вместе с Навой встречает в «лесу» «женщин-амазонок», «подруг», представительниц научно-технического прогресса.

Все три «жуткие бабы-амазонки», хозяйки «мертвяков» — безымянны. Они обладают сверхъестественными, фантастическими способностями, которые и не снились сотрудникам Управления, а уж тем более нам: «заставить живое стать мёртвым» и «мёртвое живым», приказывать «дереву лечь», взглядом убивать животных (рукоеда). Но на подобные вещи способна только госпожа Наука, и троицу «подруг», «властных и равнодушных», — девушки, беременной женщины и женщины родившей (мать Навы) — можно разуместь в качестве

образа динамичной быстроразвивающейся науки в самом её деструктивном, бездушном аспекте.

Ограничивать творчество Стругацких лишь символическим аспектом — значило бы проявление к ним неуважения. «Мужья нам больше не нужны!» Значит, мужчины в качестве защитника, добытчика и охранителя женщин уже не нужны — с этими делами вполне справится бездушная цивилизация-государство (Город?) и научные достижения! Неужто будущему мужскому полу в далёком будущем уготована участь изгоя — «приблудного пса», «козлика» на ночных работах «Воспитательниц»?!

Переца

Переца. Многим кажется, что имя Переца — переца (перемолотые жгучие остатки растения) и есть. Однако Переца — это еврейское имя, означающее «прорыв», «пролом». Переца, внештатный сотрудник группы Научной охраны, рвётся в «лес» для знакомства с жизнью во всей её полноте (для обратной связи со стороны коллективного бессознательного?). Но — не пускают, и пропуска в «лес» у него нет. Тогда он принимает решение покинуть Управление и уехать на Материк. Но его и туда не хотят пускать. Почему? Потому что он, несмотря на ничтожную должность внештатного сотрудника, есть реальный моральный авторитет, честный и искренний человек. Ни менеджер, ни Проконсул (проконсул — род ископаемых приматов эпохи миоцена), штатный лектор-философ, ни вроде честный трудяга Ким (Коммунистический интернационал молодёжи?) не желают, чтобы он покинул Управление. Почему? Они что — любят Переца? Не совсем так — они любят по необходимости и пытаются его оставить, исходя из чувства коллективного самосохранения.

Если Переца, некий моральный индикатор честности и искренности, уедет, Управление окончательно деградирует и «самоискоренится». Влюблённый в Алевтину (чуждую дурного — *лат.*) Стоян Стоянов с биостанции просит Переца: «Перчик, ты бы приехал к нам, поговорил с ними (с Ритой и Квентином), что ли. . .» А Тузику, когда Управление ездило за зарплатой на биостанцию, он (Переца) вообще набил морду, когда, поддавшись «похотливому сальцу, облившему Тузиковы глаза», тот произнёс непристойности: «. . .!» И Тузик (собачье имя) этот побои воспринял как должное, защищаться не стал. . . А менеджер, в пересказе того же Тузика, когда он обратился к нему с просьбой Переца о выделении машины для выезда на Материк, выдал следующее: «Нельзя такого человека отпускать. Поймите же, говорит, дураки, нам без него тошно будет!»

. . . А в реальной общественно-политической жизни на Западе мы и наблюдаем подобную «тошноту», потому что там отсутствуют честные и искренние морально-нравственные общественные

маяки, вроде погибшей в автомобильной катастрофе принцессы Дианы, для шизоидных заокеанских «директоров»...

Итак, Перец — личность врождённая (Моцарт, А. С. Пушкин, В. Высоцкий), вполне социабельная (романтико-экстравертная). Но тем не менее и он противостоит объективно данному — факту работы в Управлении внештатным сотрудником без пропуска в «лес», с отсутствием телефонной трубки для связи с директором, а став директором, делает попытку изменить Управление в его отношении к «лесу»...

Деградация

В Управлении царят разврат и повальное пьянство. Не стоит обманываться тем, что водка в этом романе названа «кефиром». А вот как пьёт «кефир» в столовой шофёр Тузик в первой главе: «Он (Тузик) выцедил полный стакан кефиру, помотал головой, понюхал сустав указательного пальца и, прослезившись, сказал...» А перед этим: «В проход между столиками выкатилась бутылка из-под бренди. <...> — Их там четыре штуки. Доказывай потом, что ты не домкрат», — говорит Тузик.

А на биостанции, отдельной от Управления, начальственных глаз нет, и там «гудят» по полной: «Боже мой, по вечерам они зажигают свет в клубе, они пьют кефир, они пьют безумно много кефира и ночью, при луне, бросают бутылки в озёра — кто дальше. Они танцуют, они играют в фанты, в бутылочку, в карты, в бильярд, они меняются женщинами...»

Руководитель группы Искоренения Клавдий-Октавиан Домарошцинер вроде бы должен бороться с аморальностью, но сам погряз в разврате: «Не везёт Домарошцинеру. Возьмёт новую сотрудницу, поработает она у него полгода — и рожать...» У Домарошцинера два блокнота: в один записывается, что говорит директор, в другом пишутся собственные высказывания. Здесь явный намёк на советский негласный институт доносчиков, «сексотов». Клавдий и Октавиан — имена римских императоров. Подобно им (императорам), советские «домарошцинеры» — доносчики — одним росчерком пера, одним доносом могли вершить судьбы людей в периоды поиска «врагов народа» в эпоху сталинского правления. Шофёр, в дальнейшем — «старший лаборант», Тузик сидел в концлагере за ничтожное преступление.

Моральные типы

В главах «Кандид» об Управлении и биостанции все персонажи дифференцированы на нормальных, морально ущербных и безликих. «Нормальные» имеют нормальные имена: Алевтина, Стоян Стоянов, Рита, Квентин, Вольдемар, Ким.

У «морально ущербных» персонажей — подчёркнуто-выспренно-гротесковские имена: Клавдий-Октавиан Домарошцинер, Брандскугель (полый чугунный шар для зажигания), Проконсул, профессор Какаду, Тузик. Причём чем более ничтожна личность — тем громче фамилия. На вопрос Переца Домарошцинеру, будучи уже директором: «А вы можете убить человека?» — руководитель группы Искоренения Домарошцинер с готовностью достал блокнот для записи.

Так называемые «нормальные» люди склонны к свершению как хороших, так и плохих поступков. Они двойственны, а значит, и жизненны. Тот же Ким, симпатизирующий Перцу начальнику группы Научной охраны, часть доносов на Переца выбрасывал, часть откладывал...

«Морально ущербные» персонажи в «Улитке...» выражено порочны в различных ипостасях. Тузик — во власти синдрома сексуальной зависимости. Стукач Домарошцинер ради угождения начальству и «тёплого» места готов на убийство. Штатный философ Проконсул читает лекции о «лесе», хотя сам ни разу не был в «лесу». Он считает это нормальным и принуждает Переца, филолога-лингвиста, вести подобную деятельность. Профессор Какаду в приёмной директора чесал подмышку «как обезьяна» — с очень уж символическим именем.

И наконец, самый низший (в морали) род людей в этом романе: комендант («добрый, уродливый человек, страдающий базедовой болезнью, неудачник...»), менеджер, официант, механик и директор. Заметим, что все персонажи глав «Кандид» суть жители Материка, на котором находится так называемый Город. «Мировой город» Освальда Шпенглера, где «нет народа, а есть масса». В этой «массе» ещё есть остатки национальных различий: к Перцу обращаются то «пан Перец», то «мосе Перец». Но это — персонажи нормального рода: Ким, Стоян Стоянов, Алевтина и т. д.

У персонажей более низкого морального уровня — Домарошцинера, Тузика, Проконсула, Какаду — имена очень близки к кличкам.

Комендант, менеджер, официант, механик и директор суть абстрактные социальные функции, где нет ничего человеческого... даже имён.

Вот он, дегенерат, по Стругацким — «менеджер»: «Круглые глаза его тускло поблёскивали, и правый, искусственный, был всё время направлен в потолок, а левый, живой, как пыльная ртуть, свободно катался в орбите, устремляясь то на Переца, то на дверь, то на доску (шахматную)». И: «Он разыгрывал всё время один и тот же ферзевой гамбит, не отклоняясь ни на ход от выбранного раз и навсегда проигрышного варианта».

Комендант общежития, где живёт Перец, очень близок к сумасшествию и нуждается в психиатрическом лечении («ремонт»). Ночью он выгоняет

Переца на улицу только потому, что у него закончилась виза. Плюс у него самая незначительная социальная функция из сотрудников Управления — он лишь внештатный сотрудник группы Охраны науки, и с ним можно не церемониться... Но незначительная должность внештатного сотрудника де-факто есть самая подходящая для Переца: не нужно юлить перед начальством, врать, надевать маски чего-то-делания (поиск «машинки»).

Директор

Референт директора по кадрам Ахти — по сути, явный шизоид с тремя не связанными между собой сублимностями — эстетствующего знатока живописи Пикассо, рубахи-парня и бездушного чиновника: «Слушай, друг!.. Возьмём на троих? Секретаршу позовём, видел бабу? Это ж тридцать четыре удовольствия!» И: «Я вас спрашиваю, что вы здесь делаете? — сказал директор, обращая к Перецу слепые глаза».

Директор в этом произведении — фигура мифологическая и тоже съехавшая с катушек. Это сразу понял Перец («Этот бред я подписывать не буду»), ознакомившись с «Проектом о привнесении порядка», а также с прошлыми действующими распоряжениями бывшего директора: «Директивной о неубывании», «Приказом о небеременности», а также с приказом о наложении административного взыскания — штрафа в размере четырёхмесячного жалования — посмертно на собаководо вооружённой охраны Г. де Монморанси, «беспечно позволившего себе быть поражённым атмосферным разрядом (молнией)».

Я почти уверен, что «референт по кадровым вопросам» Ахти — директор и есть. Чувствуя приближающуюся психическую катастрофу, сконцентрировав остатки разума (синдром Ельцина), директор письменно назначает Переца директором Управления вместо себя. Основания для такого предположения есть в телефонном обращении директора к сотрудникам Управления. Наряду с бессмыслицей типа «Акции подобного рода могут иметь далеко идущие шифровки на имя Герострата», есть там и здравые, толковые размышления: «Боюсь, мы не поняли даже, чего мы, собственно, хотим». И: «Но кто-то же должен раздражать, и не рассказывать легенды, а тщательно готовиться к пробному выходу». Этот «кто-то» и есть Перец, в русском варианте суть пищевая специя, то, что жжёт, раздражает, но тем не менее придаёт пище вкус и усиливает процесс питания живого организма.

«Тщательно готовиться к пробному выходу...» Это послание, случайно услышанное Перцем по телефону, и стало его начальной стратегией по освоению и знакомству с «лесом», когда неожиданно для самого себя он стал директором Управления: «Прекратить вторжение в лес, усилить

его осторожное изучение, попытаться найти контакты, учиться у него...»

В телефонном обращении директора вообще очень много смыслов. Например, завуалирована критика фрейдизма, объясняющего всю психологическую, духовную проблематику людей, исходя из одного принципа удовольствия: «Если поступок принёс нам удовольствие — хорошо. Если не принёс — значит, был бессмысленным». Есть и критика Советского государства: «Оно (государство?) любит так называемые простые решения, библиотеки, внутреннюю связь. Географические и другие карты. Пути, которые оно почитает кратчайшими, чтобы думать о смысле жизни за всех людей...»

Фрейд и Юнг

Никто в Управлении не смог внятно объяснить Перцу смысл телефонного послания директора, которое обращено «ко всем, но одновременно и к каждому». Здесь — опять шифр от Стругацких: так называемое коллективное бессознательное как коллективно, так и индивидуально и зашифровано в символах сновидений. Очень немногие понимают сны. Один и тот же сон может толковаться по Фрейду (редуктивно, назад к сексуальности) и по Юнгу (конструктивно, вперёд в будущее). Телефонную речь директора начальник группы Научной охраны Ким предложил Перцу толковать двумя способами: «методом домино» (по принципу цепной реакции) и «методом спирали» (сложный математический метод). У Фрейда — довольно простой метод. Метод Юнга — сложный, потому что интеллектуальное, конструктивное толкование этот учёный всегда соотносил с чувствами и переживаниями во время сна и редко ставил собственные точки, подводил к ним самого анализируемого. Фрейд ставил штампы нереализованной сексуальности практически на все сны...

Был ещё в «Улитке...» «метод Стивенсона-заде». Но, судя по названию, это — абсурдистский метод, придуманный братьями Стругацкими для запутывания советской цензуры...

Персона

«Персона» есть маска древнегреческого актёра. А в современном аспекте — это комплекс функций приспособления или удобства по отношению к существующим коллективным нормам и стандартам.

«В сущности, персона не является чем-то „действительным“. Она — компромисс между индивидуумом и социальностью по поводу того, „кем кто-то является“. Этот „кто-то“ принимает имя, получает титул, представляет должность и является тем или этим. Конечно, в этом смысле это так и есть, но в отношении индивидуальности того, о ком идёт речь, персона выступает в качестве вторичной действительности, чисто компромиссного

образования, в котором другие иногда принимают иногда гораздо большее участие, чем он сам. Персона есть видимость, двумерная действительность, как можно было бы назвать её в шутку» (Карл Густав Юнг, «Психология бессознательного»).

С персоной, в прямом и переносном смысле, в «Улитке...» Перец явно и очевидно сталкивается в приёмной директора: «Сумрачного сотрудника, судя по опознавательному жетону на груди и по надписи на белой картонной маске, следовало называть Брандскугелем». И: «...усы его отвалились и мягко спланировали на пол. Он приподнял их, осмотрел... и, деловито на них поплевав, посадил на место (маску)».

«Брандскугель» в немецком языке означает полый артиллерийский чугунный шар, который можно наполнить зажигательной смесью и запустить куда-нибудь для разрушения, поджога. Как личность Брандскугель настолько ничтожен, что на все вопросы отвечает: «Я не знаю». Какая дистанционная разница с личностью Переца! Который прекрасно понимает ограниченность даже так называемых нормальных людей: «У них нет только одного: понимания. Они всегда подменяли понимание какими-нибудь суррогатами — верой, неверием, равнодушием, пренебрежением. Как-то всегда получалось, что это проще всего. Проще поверить, чем понять».

За понимание отвечает интеллект. Перец — честнейший интеллект, обладающий, кроме всего прочего, высокоразвитым чувством, отвечающим за мораль. Он способен прочувствовать не только «лес» (коллективное бессознательное), но и внутренние переживания сбежавшей от инженеров техногенной «машинки»: «Наверное, она не выдержала. Они трясли её на вибростенде, они вдумчиво мучали её, копались во внутренностях, жгли тонкие нервы паяльниками. Она задышалась от запаха канифоли, её заставляли делать глупости... И она ушла, неся в себе самоубийственный заряд...»

Это есть чувственно-этическая русская «всемирная отзывчивость» даже по отношению к неодушевлённому, на которую способны немногие — вроде Владимира Высоцкого (стихотворение «Я — Як-истребитель»)...

Идиоты вроде Брандскугеля, коменданта или менеджера на полном серьёзе срослись, сжились с социальными масками — персонами, так что без них вряд ли смогут быть людьми вообще. Стругацкие подчёркнуто иронично относятся к этим играм в исполнение социальных, должностных обязанностей, социальный статус... особенно в «Улитке на склоне» и «Граде обречённом». Взять, к примеру, того же безымянного дежурного, объявившего тревогу в Управлении по поводу сбежавшей из лаборатории «машинки»: «Внимание, внимание. Всем сотрудникам стоять на местах

по положению... на торжественную встречу падишаха без специальной свиты, размер обуви пятьдесят пять».

Этот сокращённый пассаж напоминает служившим в Советской Армии команду для молодых призывников («салаг»), которую давали старослужащие новобранцам для потехи в ночное время: «Внимание, внимание. Всем строиться на подоконниках! Форма одежды караульная: в сапогах, трусах и касках!» А Перец и был духовный «салага» социальный, душевно чистый ребёнок, способный, правда, к большим моральным делам — вроде монолога с книгами во время сна в библиотеке. А здесь, во время ночной тревоги в Управлении, и была потеха дежурного («на тожественную встречу падишаха...») вперемежку со страхом других сотрудников обнаружить злополучную «машинку», поскольку она, не будучи обнаруженной в течение шести часов, «самоликвидировалась» и могла причинить ущерб её искателям.

«Перец различил каких-то людей в ночном белё с керосиновыми лампами... А затем увидел совсем недалеко цепь бегущих людей в чёрных развевающихся плащах... Эти люди бежали... растянув поперёк что-то странное, светлое... не то бредень, не то волейбольную сетку». Сотрудники Управления играли в поиск «машинки», в исполнение должностных обязанностей по сигналу тревоги. Играли с размахом, почти введя Переца в ступор. Лишь убогие, вроде инженера «в белой картонной маске с надписью по лбу чернильным карандашом „Либидович“», принимающего социальную маску за нечто абсолютное, «рвали подмётки» на полном серьёзе: «Этот инженер (Либидович) полез грязными сапогами по нему (Перцу), пихая его локтем в лицо, храпя и воняя пóтом, повалился на место водителя... истерически взвизгнул и выкатился из кабины на противоположную сторону». «Либидович» — от юговского термина «либидо», означающего совокупную психическую энергию. Значит, «Либидович» суть энергичный... дурак. Зато «умные люди», такие как шофёр грузовика Вольдемар, намеренно загоняют машину в топь и предаются питию «кефира» под аккомпанемент мандолины...

Административная работа

Когда Перец начал делать первые шаги на поприще директора, Алевтина выдала новоиспечённому директору некий наставительный пространственный пассаж, посвящённый «административной работе»: «Существует административная работа, на которой стоит всё. Работа эта возникла не сегодня и не вчера, вектор уходит своим основанием в глубь времён. До сегодняшнего дня он овеществлён в существующих приказах и директивах. Но он уходит глубоко в будущее, и там он ждёт своего овеществления. Это подобно прокладке

шоссе по трассированному участку. Там, где кончается асфальт и спиной к готовому участку стоит нивелировщик и смотрит в теодолит. Этот нивелировщик — ты».

Я долго не мог понять, что стоит за этим пассажем. Однако после длительного раздумья понял, что основной контекст здесь исторический и личностно-психологический. Потому что роман писался на переходном политическом стыке, когда правление выраженной личности — Н. С. Хрущёва — сменилось в середине шестидесятых началом брежневского периода длительного «застоя» в головах и душах. Чем закончится брежневский период, братья Стругацкие, конечно же, не знали, но тем не менее свободно выражали свои предчувствия в «Обитаемом острове», «Граде обречённом», «Улитке на склоне».

Если «административную работу» исправить на «работу по управлению народом», то всё встанет на свои места. Это своеобразное послание новому руководству СССР о политической ответственности, планировании будущего и важности личностного фактора в лице руководителя государства.

«Хороший человек» был Л. И. Брежнев, но заурядный политик, оторвавшийся с годами от реальности. Здесь есть понимание братьями Стругацкими зависимости судьбы и народа России от личности правителя — «нивелировщика». Достаточно вспомнить М. С. Горбачёва, с потрохами сдавшего нас, де-факто державу номер два, Западу.

Трудно представить на «административной работе», к примеру, личность типа Владимира Высоцкого, сходную по эмоциональной, чувственной составляющей с Перцем. Однако в объективной реальности подобные случаи были. Имею в виду Михаила Евдокимова, артиста, пародиста, юмориста, человека с душой, ставшего в 2004 году губернатором Алтайского края. Он реально воевал с бездушной, коррупционной бюрократической Системой. «Человека с душой» трудно, невозможно сломать морально, духовно, поскольку, люди подобного рода суть сами моральные столпы и ориентиры, являющиеся носителями духовного стержня — выраженного личностного инстинкта... Тогда и случаются мутные автомобильные и вертолётные аварии, где гибнут моральные внесистемные авторитеты: Михаил Евдокимов, Александр Лебедь... принцесса Диана. Да и смерть В. Высоцкого под большим вопросом.

А ведь «и на старуху (Систему) бывает проруха». Посмотрим, что привнесёт в США и в мир личность Трампа, президента США, справится ли с ним американская политическая Система... Почему-то все политики в мире делятся на «системных» и «внесистемных». А почему нельзя поделить на шизоидных и нормальных или на честных и нечестных, ложных и искренних?! Наверное, мир к этому не готов... пока...

Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи...
(Исса, сын крестьянина)

Медленный моральный и нравственный прогресс — «улиточный» — уготован человечеству. Так полагают братья Стругацкие. Здесь они — реалисты...

P. S.

Очень много загадок и скрытых смыслов осталось нераскрыто в этой статье. К примеру, куда и зачем старец из деревни «ходил на дрессировку»? Что может означать «полоса боёв» в разговоре «подруг»? Или что хотели нам сказать братья Стругацкие, перечислив предметы, найденные в записках бывшего директора: мятый картуз с непонятной кокардой, парабеллум с единственным патроном, генеральский погон и железный крест с дубовыми листьями? А металлическая табличка на двери бывшего директора с надписью «СКОТ»? И что делал Карл Етингоф в лукавой деревне и т. д.?

Аркадий и Борис Стругацкие считали свой роман «Улитка на склоне» самым удавшимся и совершенным. В романе — десятки символов, смыслов, предвидений, аллюзий, шифров. Но, несмотря на смысловую полифонию, должны быть главные цели и смыслы этого произведения...

Все главы романа названы либо «Перец», либо «Кандид». События в романе служат максимальной развитию их личности, полному свершению личностной судьбы. Значит, тема Личности — основная. Личность есть Божий дар, не зависящий от социального статуса, происхождения, образования. Личность есть направляющая сила для других: маяк, ориентир, этическая жизненная высота...

И — последнее. Так называемый научно-технический прогресс братья Стругацкие считали ничтожным, потому что он (прогресс) ничего не даёт душе, жизни... Они понимали прогресс как «превращение всех людей в добрых и честных».